

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
11 August 2004
Russian
Original: English

Комиссия международного права

Пятьдесят седьмая сессия

Женева, 2 мая — 3 июня и 4 июля — 5 августа 2005 года

Шестой доклад по вопросу о дипломатической защите, подготовленный Специальным докладчиком Джоном Дугардом

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
I. Введение	1–4	2
II. Неприменимость доктрины «чистых рук» к спорам, касающимся межгосударственных отношений в собственном смысле этого термина	5–7	3
III. Применимость доктрины «чистых рук» к дипломатической защите	8–9	6
IV. Случаи применения в контексте дипломатической защиты доктрины «чистых рук»	10–15	7
V. Основание для неприемлемости?	16	9
VI. Заключительные замечания	17–18	9

I. Введение

1. Было предложено отразить доктрину «чистых рук» в одной из статей одобренных Комиссией в 2004 году проектов статей о дипломатической защите. В настоящем докладе рассматривается это предложение.

2. В соответствии с доктриной «чистых рук» умышленное правонарушение лишает права заявлять исковые требования: *ex dolo malo non oritur actio*. Этот принцип также отражен в максиме *nullus commodum capere potest de sua injuria propria*. По словам сэра Джеральда Фицмориса,

«Тот, кто обращается за защитой к правосудию, должен приходиться с „чистыми руками“. Таким образом, государство, виновное в противоправном поведении, может быть лишено необходимого *locus standi in judicio* для подачи жалобы об аналогичных противоправных действиях со стороны других государств, особенно если они явились следствием его собственного противоправного поведения или были начаты для противодействия ему — короче, были спровоцированы им»¹.

В контексте дипломатической защиты на эту доктрину ссылаются в качестве основания, препятствующего государству осуществлять дипломатическую защиту, если физическое или юридическое лицо, которого оно стремится защитить, потерпело ущерб в результате своего собственного противоправного поведения.

3. В обоснование предложения о включении в проекты статей в дипломатической защите доктрины «чистых рук» были приведены следующие аргументы:

а) эта доктрина не применяется к спорам, касающимся межгосударственных отношений, когда государство не стремится осуществить защиту своих физических или юридических лиц²;

б) в то же время доктрина применима к случаям дипломатической защиты, когда государство стремится осуществить защиту своих потерпевших физических или юридических лиц. 5 мая 2004 года Ален Пелле, поддержавший предложение о включении положения о «чистых руках», заявил:

«Туманная концепция „чистых рук“ в контексте межгосударственных отношений не слишком отличается от общего принципа добросовестности, не влечет самостоятельных последствий для общих норм международной ответственности и на практике оказывает на них незначительное воздействие. Однако в контексте дипломатической защиты, которая касается правоотношений между государствами и отдельными лицами, эта концепция приобретает новое значение: она становится функциональной, ибо при отсутствии „чистых рук“ осуществление дипломатической защиты становится невозможным. Если находящееся под дипломатической защитой частное лицо нарушило либо внутреннее право защищающего [принимающего?] государства — при этом следует отметить, что внутреннее право не играет никакой роли во всех случаях, связанных с межгосударственными отношениями, — либо международное право, тогда в общем

¹ (1957 II) 92 *Recueil des Cours* 119.

² См. A/CN.4/SR.2792, pp. 17 and 18, and A/CN.4/SR.2793, p. 3.

контексте искового требования государство, к которому обращена просьба об осуществлении дипломатической защиты, не может ее предоставить»³.

Доктрина действует лишь в контексте дипломатической защиты³;

с) в контексте дипломатической защиты доктрина «чистых рук» применялась в «многочисленных случаях». Хорошим примером является арбитраж по делу Ben Tillett³;

d) ссылка на доктрину «чистых рук» влечет за собой неприемлемость ходатайства о предоставлении дипломатической защиты³.

4. В настоящем докладе рассматриваются вышеупомянутые четыре аргумента.

II. Неприменимость доктрины «чистых рук» к спорам, касающимся межгосударственных отношений в собственном смысле этого термина

5. Возможно, правильно утверждение о том, что доктрина «чистых рук» не применима к спорам, касающимся межгосударственных отношений. Однако в практике на эту доктрину чаще всего ссылаются в контексте межгосударственных отношений в случаях, когда государства или формулирующие особое мнение судьи объявляют требование неприемлемым или необоснованным на основании того, что руки государства-истца не чисты. Нижеследующие примеры иллюстрируют такую практику.

а) Совсем недавно этот аргумент выдвигался Израилем в ходе консультативного разбирательства о *правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории*⁴. В этом контексте Израиль утверждал, что:

«Палестина, с учетом ее ответственности за акты насилия против Израиля и его населения, которые стена призвана прекратить, не может искать в Суде средство правовой защиты в отношении ситуации, сложившейся в результате ее собственного противоправного поведения. В этом контексте Израиль сослался на принцип *nullus commodum capere potest de sua injuria propria*, который он считает значимым для консультативного разбирательства, а также для разбирательства споров. Поэтому Израиль делает вывод о том, что добросовестность и принцип «чистых рук» являются веской причиной для того, чтобы суд отклонил просьбу Генеральной Ассамблеи».

Суд не посчитал этот аргумент относящимся к делу на том основании, что заключение выносилось для Генеральной Ассамблеи, а не для какого-либо конкретного государства или образования. Существенно, что Суд не отрицал уместность этого аргумента при разбирательстве межгосударственных споров;

б) в деле о *Нефтяных платформах* Соединенные Штаты Америки привели аргумент «предварительного характера», прося Суд отклонить требование Исламской Республики Иран по причине его собственного противоправного

³ A/CN.4/SR.2793, p. 4.

⁴ См. A/ES-10/273 и Corr.1.

поведения. Исламская Республика Иран охарактеризовала этот аргумент как основывающийся на принципе «чистых рук», который, как он утверждал, не применим к требованиям одного государства к другому в отличие от требований в области дипломатической защиты, где он является основанием для неприемлемости требования. Исламская Республика Иран признала, что этот принцип может иметь значимость на стадии разбирательства по существу дела. Суд не согласился с доводом о том, что возражение Соединенных Штатов относится к основаниям неприемлемости, и счел ненужным рассматривать просьбу Соединенных Штатов об отклонении требования Исламской Республики Иран по причине приписываемого последнему поведения. Суд не прокомментировал довод Исламской Республики Иран о том, что доктрина «чистых рук» может применяться лишь в качестве основания неприемлемости требования в контексте дипломатической защиты⁵;

с) в деле *La Grand* в связи с требованием к Германии Соединенные Штаты выдвинули аргумент, который, как представляется, является производным от доктрины «чистых рук». Соединенные Штаты утверждали, что иск Германии не приемлем на том основании, что Германия ожидает от Соединенных Штатов соблюдения правил, которые отличаются от ее собственной практики. По мнению Соединенных Штатов, Германия не доказала, что ее система правосудия по уголовным делам требует отмены уголовных приговоров при нарушении обязательства об уведомлении консульства и что на практике в подобных случаях Германия ограничивается тем, что приносит извинения. Соединенные Штаты заявили, что применение по отношению к Соединенным Штатам таких якобы нормативных положений, которые Германия, очевидно, сама не выполняет, будет противоречить основополагающим принципам отправления правосудия и равенства сторон. Германия отрицала, что предлагает Соединенным Штатам соблюдать стандарты, которых сама Германия не придерживается. Суд счел, что в вынесении решения о том, должен ли аргумент Соединенных Штатов, в случае его истинности, влечь неприемлемость иска Германии, отсутствует необходимость, поскольку приведенные Соединенными Штатами доказательства недостаточны для вывода о том, что собственная практика Германии не отвечает тем стандартам, соблюдение которых она требует от Соединенных Штатов⁶;

d) сходный приведенному выше по делу *La Grand* аргумент прозвучал в деле *Avena*. Однако в этом случае Соединенные Штаты не характеризовали его в качестве аргумента о «чистых руках». Вместо этого возражение было сформулировано, исходя из толкования статьи 36 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года⁷ в том смысле, что, по мнению Соединенных Штатов, невозможно такое истолкование договора, при котором на одну сторону возлагается значительно более тяжелое бремя, чем на другую. Суд отвел этот аргумент, ссылаясь на дело *La Grand*. При этом он добавил, что:

«Даже если было бы доказано, что практика Мексики в отношении применения статьи 36 не безупречна, это не являлось бы основанием оспаривать приемлемость претензии Мексики⁸;

⁵ См. *Case concerning the Oil Platforms*, 2003 *I.C.J. Reports*, paras 27–30.

⁶ См. *Le Grand case*, 2001 *I.C.J. Reports*, paras 61–63.

⁷ United Nations, *Treaty Series*, vol. 596, p. 261.

⁸ См. *Case concerning Avena and Other Mexican Nationals*, 2004 *I.C.J. Reports*, paras 45–47.

е) в деле о *проекте Габчиково-Надьямарош* Международный Суд отказался применять доктрину «чистых рук». Он заявил:

«Суд, однако, не может пренебречь тем обстоятельством, что в течение многих лет Договор не выполнялся в полной мере ни той, ни другой стороной и что в действительности возникновению той фактической ситуации, которая существует в настоящее время, способствовали их действия и бездействие. Равным образом он не может не принимать во внимание эту фактическую ситуацию — или фактические возможности и невозможности, которые она обуславливает — при вынесении решения о юридических требованиях в отношении будущего поведения Сторон.

Это не означает, что факты — в данном случае факты, вытекающие из противоправного поведения, — становятся источником права»⁹;

f) в деле *Arrest Warrant* бельгийский судья ad hoc ван ден Вингерт заключила, что «при обращении в суд у Конго отсутствовали „чистые руки“. Обвиняя Бельгию в расследовании и судебном преследовании за предполагаемые международные преступления, которые оно было обязано расследовать и преследовать самостоятельно, Конго действовало недобросовестно»¹⁰;

g) в деле *Никарагуа* судья Швებель счел, что доктрина «чистых рук» может быть применена против Никарагуа:

«Никарагуа не обратилась в суд с „чистыми руками“. Напротив, как у агрессора, косвенным образом ответственного — но в конечном счете ответственного — за большое количество смертей и широкомасштабные разрушения в Сальвадоре, значительно превосходящие то, что претерпела Никарагуа, руки у Никарагуа одиозно „нечистые“. Никарагуа усугубила свои прегрешения, скрывая их перед Судом. Таким образом, по причинам его незаконной военной интервенции в Сальвадоре и его сознательных попыток ввести Суд в заблуждение относительно фактов этой интервенции посредством ложных показаний его министров в исках Никарагуа против Соединенных Штатов следует отказать»¹¹.

В подкрепление этих соображений он привел ряд решений Постоянной палаты международного правосудия и Международного Суда. Все приведенные случаи могут быть отнесены к категории прямых межправительственных споров.

h) В судоговорении как на стадии предварительного разбирательства, так при осуществлении юрисдикции по делам о *законности применения силы*, возбужденным Югославией против членов Организации Североатлантического договора, ряд ответчиков приводили тот довод, что искомые Югославией судебные запреты не могут быть вынесены, поскольку Югославия обратилась в Суд не с «чистыми руками».

6. Вышеупомянутые случаи мешают поддержать аргумент о том, что доктрина «чистых рук» не применяется к спорам, прямо касающимся межгосударственных отношений. Государства неоднократно ссылались на доктрину «чистых рук» в прямых межгосударственных исках. Суд ни разу не заявил, что эта доктрина irrelevantна по отношению к межгосударственным искам.

⁹ 1997 *I.C.J. Reports* 76, para. 133.

¹⁰ 2002 *I.C.J. Reports*, at para. 35.

¹¹ 1986 *I.C.J. Reports* 392, at para. 268.

7. В то время как возможно провести различие между прямыми и непрямыми исками в целях некоторых судебных разбирательств (в частности, в отношении исчерпания внутренних средств защиты), делать это следует с большой осторожностью с учетом представления о том, что ущерб, причиненный гражданину, является ущербом, причиненным самому государству. Данная фикция, сформулированная Ваттелем, провозглашенная в деле о *палестинских концессиях Мавромматиса* и принятая Комиссией в проектах статей о дипломатической защите, является фундаментальной для понимания дипломатической защиты. Один из краеугольных камней дипломатической защиты заключается в том, что «с того момента, как государство выступает в защиту одного из своих граждан в международном судебном органе, этот орган рассматривает в качестве стороны в процессе лишь государство»¹². Ведь нам, конечно же, не предлагается отказаться от этой фикции и вместо этого рассматривать государство, являющееся стороной связанного с дипломатической защитой требования, в качестве простого агента, действующего от имени своих граждан или юридических лиц?

III. Применимость доктрины «чистых рук» к дипломатической защите

8. В случае, когда иностранец виновен в каком-либо правонарушении, совершенном в иностранном государстве, и в результате этого по решению суда в соответствии с законодательством этого государства лишается свободы или имущества, представляется маловероятным, что государство его гражданской принадлежности вмешается в целях предоставления ему защиты. Вмешательство со стороны государства гражданства было бы в таком случае неправомерным, поскольку, как правило, при этом международно-противоправного деяния не совершается. В этом смысле доктрина «чистых рук» служит цели воспрепятствовать дипломатической защите. Однако ситуация принимает другой характер, если государством-ответчиком совершен международно-противоправный акт в ответ на правонарушение, совершенное иностранцем, — как, например, когда иностранец, подозреваемый в совершении уголовного преступления, подвергается пыткам либо пристрастному суду. В таком случае государство гражданства может осуществлять дипломатическую защиту данного лица по причине совершения международно-противоправного деяния. Доктрина «чистых рук» не может быть применена в этом последнем случае к потерпевшему лицу за нарушение международного права, во-первых, потому, что иск принимает теперь характер международного требования, обращенного одним государством к другому и, во-вторых, поскольку данное лицо не обладает международной правосубъектностью и таким образом не может (за исключением сферы международной уголовной ответственности) отвечать за нарушение международного права. Говоря коротко, вследствие «фикции» Ваттеля о том, что ущерб потерпевшего является ущербом, нанесенным самому государству, иск от имени гражданина, в отношении которого был совершен международно-противоправный акт, превращается в международное требование, и доктрина «чистых рук» может быть обращена против осуществляющего защиту государства только за его собственное поведение, а не против потерпевшего лица за

¹² *Mavrommatis Palestine Concessions*, 1925 *P.C.I.J. Reports*, Series A, No. 5, at p. 12.

его неправомерное поведение, которое могло предшествовать международно-противоправному деянию.

9. Из рассмотренной выше аргументации вытекает, что доктрина «чистых рук» не занимает какого-либо особого места в исках, связанных с дипломатической защитой. Если какое-либо лицо совершает незаконное деяние в принимающем государстве и с соблюдением надлежащей правовой процедуры приговаривается судом к наказанию, международно-противоправное деяние места не имеет и доктрина «нечистых рук» нерелевантна. Если же, с другой стороны, противоправное, согласно внутреннему праву, поведение гражданина влечет за собой совершение нарушения международного права в результате действий, предпринятых государством-ответчиком в связи с совершенным этим гражданином правонарушением, иск, если государство гражданства потерпевшего осуществляет его дипломатическую защиту, принимает международный характер. В таком случае на доктрину «чистых рук» можно сослаться только лишь в отношении государства-истца и применительно к его собственному поведению. Указание на это содержится в делах *La Grand* и *Avena*. В обоих случаях иностранные граждане совершили тяжкие преступления, требующие их судебного преследования и наказания. Однако в обоих случаях, осуществляя их преследование, Соединенные Штаты нарушили международное право, не предоставив им возможности обратиться в консульство. Ни на одной из стадий разбирательства Соединенные Штаты не утверждали, что тяжкий характер совершенных иностранными гражданами преступлений делает их «руки нечистыми», тем самым препятствуя соответственно Германии и Мексики в осуществлении их защиты согласно Венской конвенции о консульских сношениях. С другой стороны, в обоих случаях (как показано выше) Соединенные Штаты утверждали, что у самих государств-истцов отсутствовали «чистые руки», поскольку они не выполняли положений Венской конвенции так, как это требуется от Соединенных Штатов.

IV. Случаи применения в контексте дипломатической защиты доктрины «чистых рук»

10. В отличие от случаев, касающихся прямых межгосударственных исков, в которых доктрина «чистых рук» упоминалась неоднократно, случаи, в которых на эту доктрину ссылались в контексте дипломатической защиты, немногочисленны.

11. Случаями, которыми обосновывают свою аргументацию некоторые авторы, являются третейские разбирательства по делам *Бен Тиллет* и *Виргиниус*. Карро приводит в этой связи два инцидента в качестве примеров, подкрепляющих его заявление о том, что «лицо, дипломатическую защиту которого государство осуществляет, само не должно иметь „предосудительного поведения“»¹³. Внимательный анализ дел *Бен Тиллет* и *Виргиниус* показывает, что ни то, ни другое не имело никакого отношения к доктрине «чистых рук». Равным образом при их рассмотрении не использовалась фразеология доктрины.

¹³ Dominique Carreau, *Droit international*, 7th ed. (2001), pp. 467 and 468.

12. Рассмотрим, во-первых, дело *Бен Тиллет*¹⁴. 21 августа 1896 года Бен Тиллет, британский гражданин и профсоюзный активист, прибыл в Бельгию для участия в собрании докеров. В день, когда он прибыл в Бельгию, он был арестован, несколько часов содержался под стражей и был депортирован в Соединенное Королевство. Предъявляя иск в порядке защиты Бена Тиллета, последнее утверждало, что Бельгией было нарушено ее собственное законодательство, и требовала денежное возмещение в размере 75 000 франков. После того, как переговоры оказались безуспешными, дело было передано на третейский суд. Из текста третейского соглашения между Бельгией и Соединенным Королевством, а также из решения третейского суда становится ясно, что вопрос о неприемлемости дипломатической защиты вообще не рассматривался. Соединенное Королевство, безусловно, осуществляло дипломатическую защиту Бена Тиллета. Она проиграла дело по существенным основаниям, при этом основной причиной являлось то, что действия Бельгии не составляли международно-противоправное деяние (вопреки толкованию Карро, который заявляет, что «третейский судья оставил иск Великобритании без удовлетворения по причине нарушения Беном Тиллетом бельгийского закона. Короче говоря, он не обладал „чистыми руками“»).

13. Рассмотрим далее дело *Виргиниус*¹⁵. 31 октября 1873 года паровое судно «Виргиниус» было перехвачено в открытом море испанским военным кораблем. «Виргиниус», который плавал под американским флагом (как потом было установлено, не имея на это права), перевозил оружие, боеприпасы и потенциальных повстанцев, имея местом назначения Кубу. «Виргиниус» был эскортирован в Сантьяго-де-Куба, где 53 из 155 членов экипажа и пассажиров были в ускоренном порядке преданы за пиратство суду военного трибунала и казнены. Среди казненных были граждане Соединенных Штатов и Соединенного Королевства. Из предъявленных в ходе переговоров между Испанией и Соединенными Штатами документов ясно, что между сторонами не было разногласий относительно права Соединенных Штатов осуществлять дипломатическую защиту в данной конкретной ситуации. Обе страны также согласились с тем, что Испания виновна в нарушении международного права безотносительно к тому, правомерно ли «Виргиниус» плавал под американским флагом и перевозил ли он военные грузы и потенциальных повстанцев на Кубу. Дело не рассматривалось в третейском суде, поскольку Испания выплатила и Соединенным Штатам, и Соединенному Королевству компенсацию семьям казненных американских и британских граждан.

14. Ряд авторов высказываются в поддержку доктрины «чистых рук» в контексте дипломатической защиты, но не приводят веских оснований в подкрепление своей точки зрения¹⁶. Бин Чен цитирует однако «Иск Кларка» 1862 года, в котором американский комиссар отказался поддержать претензию американского гражданина, задавая вопросом: «Что касается Соединенных Штатов, можно ли допустить, чтобы он извлек выгоду от своего собственного правона-

¹⁴ См. *Revue générale de droit international public*, vol. 6, No. 46 (1899).

¹⁵ John Bassett Moore, *A Digest of International Law* (Washington, D.C., United States Government Printing Office, 1906), vol. 2, p. 895.

¹⁶ David Ruzié, *Droit international public*, 14th ed. (1999), p. 95; Jean Combacau and Serge Sur, *Droit international public*, 5th ed. (2001), pp. 596 and 597; and Peter Malanczuk, *Akehurst's Modern Introduction to International Law*, 7th revised ed. (1997), pp. 263-269.

рушения?... Сторона, которая обращается за защитой, должна являться с „чистыми руками“»¹⁷.

15. Многие авторы скептически высказываются от доктрине «чистых рук» и авторитетности приводимых в ее пользу ссылок. Следует, в частности, обратить внимание на мнение Сальмона¹⁸, Руссо¹⁹ и Гарсиа Ариаса²⁰. Мнение Руссо особенно важно. Он заявляет: «Невозможно рассматривать теорию „чистых рук“ в качестве института общего обычного права в отличие от других причин неприемлемости, к изучению которых мы сейчас обращаемся»²¹.

V. Основание для неприемлемости?

16. Иногда довод, основывающийся на доктрине «чистых рук», приводился в Международном Суде в качестве предварительного замечания при рассмотрении прямых межгосударственных споров. Не ясно, однако, имелось ли при этом намерение поднимать этот вопрос в качестве основания для неприемлемости. Если доктрина относится к искам, связанным с дипломатической защитой, то, как представляется, на нее было бы более уместно ссылаться на стадии рассмотрения по существу, поскольку она относится, скорее, не к приемлемости а к смягчающим или освобождающим от ответственности обстоятельствам.

VI. Заключительные замечания

17. В пункте 330 его второго доклада об ответственности государств²² Джеймс Кроуфорд пишет, что доктрина «чистых рук» используется как средство защиты «главным образом, хотя и не всегда, в рамках дипломатической защиты». Он добавляет:

«Даже в контексте дипломатической защиты авторитетные источники, поддерживающие существование доктрины „чистых рук“, будь то в качестве основы для неприемлемости или в каком-то ином качестве, являются, по словам Сальмона, „довольно старыми и неединодушными“²³. Речь идет в основном о лицах, причастных к работоторговле и нарушению нейтралитета и, в частности, о серии решений Смешанной комиссии, созданной Соединенными Штатами Америки и Великобританией на основе Конвенции от 8 февраля 1853 года для урегулирования претензий судовладельцев о компенсации. По мнению Сальмона, в случаях, когда иск считался неприемлемым, „так или иначе представляется, что все эти дела характеризуются тем, что нарушение международного права со стороны

¹⁷ Bin Cheng, *General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals* (1953), p. 155.

¹⁸ «„Чистые руки“ в качестве условия приемлемости международных требований», *Annuaire français de droit international* (1964), pp. 225–266, and Jean Salmon, *Dictionnaire de droit international public* (2001), pp. 677 and 678.

¹⁹ *Droit international public*, vol. 5, 1983, p. 172.

²⁰ Доктрина «чистых рук» в международном публичном праве, *Annuaire des anciens auditeurs de l'Académie de droit international* (1960), pp. 14–22.

²¹ *Droit international public*, vol. 5, 1983, at p. 177.

²² A/CN.4/498/Add.2.

²³ *Supra*, note 18 at p. 249.

потерпевшего было единственной законной причиной ущерба, по поводу которого был предъявлен иск, и что причинно-следственная связь между ущербом и поведением потерпевшего была свободной от какого-либо противоправного деяния со стороны государства-ответчика. Когда же, напротив, это последнее в свою очередь нарушало международное право посредством репрессий против заявителя, третейские судьи никогда не объявляли требование неприемлемым²⁴».

18. Настоящий доклад показывает, что доказательства в пользу доктрины «чистых рук» не являются неопровержимыми. Доводы, основывающиеся на этой доктрине, регулярно выдвигались в ходе рассмотрения прямых межгосударственных споров в Международном Суде, но пока что не были поддержаны. Применимость доктрины ко всем требованиям в рамках дипломатической защиты весьма спорна. Отсутствуют явные авторитетные источники для подкрепления применимости доктрины к случаям дипломатической защиты. Имеющиеся же источники нечетки в своих указаниях и имеют давнее происхождение, восходя главным образом к середине XIX века, о чем и свидетельствуют приведенные выше выдержки из статьи Сальмона. Хотя некоторые авторы высказываются в поддержку существования доктрины в контексте дипломатической защиты, авторитетные источники это мнение не подтверждают. Кроме того, решительные голоса Сальмона и Руссо высказываются против такой доктрины. При этих обстоятельствах Специальный докладчик не видит оснований включать в проекты статей какое-либо положение, касающееся доктрины „чистых рук“». Включение такого положения явно не подпадает под сферу кодификации и неуместно в рамках прогрессивного развития в свете сомнений, существующих относительно самого существования этой доктрины и ее применимости в контексте дипломатической защиты.

---

²⁴ *Supra*, note 18 at p. 261.